

Красный Крест: эмблема с «проблемой»

Бахир Юлия Николаевна,

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Республика Беларусь)

В статье анализируются истоки появления идеи о восприятии Красного Креста как организации, несущей в себе религиозное начало, в связи с этим освещены проблемы и приведены соответствующие примеры взаимодействия Международного Комитета Красного Креста (МККК) и национальных Обществ.

Организации Красного Креста занимают значимое положение в большинстве стран мира, представляют интерес для исследователей на каждом этапе своего развития. Работа организации направлена на решение важнейших медицинских и социальных задач, основана на принципах гуманности, беспристрастности, нейтральности, независимости, добровольности, единства и универсальности. Принципы нейтральности и универсальности Красного Креста действительно имеют немаловажное значение. Однако даже трактовка эмблемы международного движения вызывает дискуссии в обществе. Цель нашего исследования заключалась в выяв-

лении обстоятельств принятия, признания и использования эмблем МККК, начиная с 1863 г. до настоящего времени.

Идея организации особого общества по оказанию помощи социально уязвимым слоям населения принадлежала швейцарцу Анри Дюнану, на которого неизгладимые впечатления произвела жестокость сражения при Сольферино в 1859 г. После принятия Женевских конвенций начала свою историю благотворительная деятельность по помощи раненым и инвалидам, из которой выросло массовое краснокрестное движение во многих странах мира.

До сегодняшнего дня в литературе традиционным стало пояснение о происхождении символики МККК – Красного Креста на белом фоне как инверсии швейцарского флага. Однако прямое свидетельство самого основателя КК об этом не существует. В девятой статье проекта соглашения Международного комитета 1863 г. речь шла исключительно о защитной функции эмблемы, которая была бы легко узнаваемой. В ходе обсуждения на самой конференции членом комитета, доктором Аппиа было высказано предложение принять белую нарукавную повязку [1, с. 10]. Пояснений же, связанных с появлением на повязке, а затем и принятом флаге именно красного креста, в протоколах конференции не зафиксировано. По какой причине эти пояснения отсутствуют, также до сих пор не установлено. Очевидно одно, что Европа не предусмотрела факт возможного неприятия международного символа в определенных странах, хотя цель основателей Красного Креста и заключалась в преодолении национальных и религиозных различий. Тем не менее, даже при отсутствии данных о связи с религиозным началом символа во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. Османская империя стала использовать красный полумесяц, тем самым обратив внимание на отсутствие универсального символа международного движения – основной претензией стало оскорбление чувств солдат-мусульман. В одностороннем порядке империя стала употреблять знак красного полумесяца, однако организация подчеркивала, что по-прежнему уважительно относится к эмблеме красного креста.

Во время Гаагских и Женевских конференций 1899, 1906, 1907 гг. МККК решил национальным обществам Персии и Сиаму сформулировать оговорки об использовании символики красного льва и солнца, красного пламени. Еще более острая проблема возникла при взаимодействии с Израилем, который не использовал общепризнанный символ, предлагая заменить его в своей стране красный щит Давида. Таким образом, разрешив использовать альтернативную символику, МККК тем самым признал отсутствие единства и универсальности символики красного креста. С другой стороны, в 1906 г. была принята новая формулировка описания эмблемы, где еще раз подчеркивалось лишь обратное расположение швейцарского флага, которая так и не смогла удовлетворить стороны, а в 1929 г. путем пересмотра Женевской конвенции официально были приняты использовавшиеся эмблемы красного полумесяца, льва и солнца.

В 1949 г. ситуация могла развиваться по трем возможным путям. Первый заключался в признании самостоятельных символов каждой страны, второй – в возвращении к единой эмблеме, третий – в признании существовавших и использовавшихся эмблем красного креста, красного полумесяца и не признанного де-юре, но использовавшегося де-факто красного щита Давида. Однако Международный Комитет согласился лишь на признании двух исключений. Своими действиями комитет отложил еще на несколько десятилетий решение вопроса. В качестве полноправного члена израильское Общество было принято лишь в 2006 г. [2].

Сложной оставалась ситуация с использованием двойной эмблемы. С такой проблемой сталкивались Казахстан и Эритрея, население которых состояло как из христиан, так и мусульман. МККК отклонил возможность использования двойной символики, т. к. по-прежнему считал, что религиозная составляющая здесь не должна играть значения. На наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация – не признавая красный крест как религиозный символ, комитет, тем не менее, оставлял за мусульманскими странами право использовать красный полумесяц.

Поскольку в пользу единой символики есть один неопровержимый довод – это усиление защитных свойств эмблемы в условиях военного времени, МККК разрабатывал возможные варианты действий. Лишь 1999 г. Совет Делегатов XXVII Красного Креста и Красного Полумесяца дал положительную характеристику одновременно используемым двум эмблемам.

В итоге, лишь в 2005 г. МККК, пересмотрев свои позиции и получив огромное количество заявок других стран с подобными предложениями об использовании своей символики, принял решение о создании третьего официального символа – Красного Кристалла, который объединил бы все организации, по тем или иным причинам не признававших символику с крестом [3]. Таким образом, мы наблюдаем удивительный феномен наделения новым смыслом символа, не имеющего прямой связи с деятельностью с религиозными учреждениями.

Символика красного креста как эмблемы международной организации изначально не несла в себе религиозных идей и посылов. Напротив, основной целью основателей МККК было объединение людей независимо от вероисповедания и религиозных убеждений, что подтверждено обстоятельствами принятия самой эмблемы. Учитывая этот факт, можно сделать вывод, что коллективные представления различных обществ все же включают в себя архетипические геометрические символы, которые влияют в большей степени на человеческое восприятие даже при наличии вполне конкретных установленных рамок. Во-вторых, для человека важен факт самоидентификации, поэтому станет ли красный кристалл эмблемой, которая объединит людей вне зависимости от их вероисповедания, национальности и политических взглядов, обуславливается несколькими факторами, в том числе, наличием традиционных взглядов на существующую символику (в зависимости от страны), а также возможностью ее наделения определенно новой смысловой нагрузкой.

Литература

1. Бюньон, Франсуа Красный Крест, Красный Полумесяц, Красный Кристалл / Франсуа Бюньон // [Электронный ресурс] / Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/war-and-law/embblem>. – Дата доступа: 10.02.2016.
2. Protocol additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Adoption of an Additional Distinctive Emblem (Protocol III), 8 December 2005 [Электронный ресурс] / Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://ihldatabases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/615?OpenDocument> – Дата доступа: 10.02.2016.
3. Международная конференция открыла дорогу для “красного кристалла” [Электронный ресурс] / Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/news-release/2009-and-earlier/6qz9xc.htm>. – Дата доступа: 10.02.2016.